

РУГАТЬСЯ, ПРАВО, НЕ ГРЕШНО...

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ «ИГРА В ЖМУРИКИ»

Драматург Михаил Волохов с 1987 года живет в Париже, и там его пьесы знают гораздо лучше, чем в наших краях. Тем не менее известие о новейшей театральной сенсации распространилось довольно быстро, зал Театра на Фонтанке, на сцене которого 14 и 15 мая московские артисты показывали «Игру в жмурики», был заполнен до предела, несмотря на сильную жару и не слишком дешевые билеты.

Пожалуй, большинство зрителей знало, да и постановщик спектакля Андрей Житинкин подчеркнул это в своем вступительном слове, что Волохов активно использует нейнвективную лексику, или, попросту говоря, мат.

Но Волохов внедряет в пьесу мат не ради эпатажа, и это не самоцель — заметил

также режиссер — просто такова среда обитания его героев, Аркадия и Феликса, работающих сторожами ВОХРа в морге при московской больнице для сотрудников КГБ.

Да, драматург, пожалуй, прав, есть такие особые, гнилые зоны в жизни, где без мата не обойтись, где иначе просто не выжить. Пьеса как раз об этом, о выживании, о «быть или не быть», она не исчерпывается разнообразной коллекцией матерных выражений, весьма тщательно собранной автором. Однако натурализм в больших дозах всегда как-то утяжеляет и заземляет искусство, лишает его размаха и поэзии. Так и здесь. Минут через десять после начала спектакля на отборную мужскую ругань уже перестает обращать внимание и

смотришь за действием, но фабула, несмотря на очевидную антитоталитарную направленность пьесы, слишком уж грешит нарочитостью, а смачные бытовые коллизии оказываются куда более убедительными, чем духовная драма Феликса. Она, несмотря на кровавый финал, производит совершенно умозрительное впечатление, и то же можно сказать о пьесе в целом, хотя в ней есть немало узнаваемых деталей из нашего совсем недавнего прошлого.

Феликс — интеллигент, литератор, еврей, типичный представитель поколения «дворников и сторожей». Он преисполнен естественной ненависти ко всему «совковому» укладу, и он выбирает «не быть». Для того чтобы покинуть эту юдоль скорби, он за-

кручивает немилую интригу, замораживает своего тупого и злобного напарника — антисемита Аркадия, выдает себя то за капитана КГБ, то за агента ЦРУ, а в конце пьесы все же напарывается на лезвие бритвы, хотя это в то же время как бы и случайно происходит...

Феликса играет Сергей Чолишвили из московского «Ленкома», он работает достаточно темпераментно, остро, и, может быть, только благодаря ему и состоялся спектакль. Напротив, его партнер Андрей Соколов (тоже «Ленком»), играющий Аркадия, слишком однообразен и невыразителен.

С режиссурой, увы, сложно, если она и имела место, то на каком-то очень первичном уровне, сценическое простран-

ство абсолютно не организовано и скорее напоминает выгородку для читки пьесы.

В то же время с уверенностью можно сказать, что сочетание мата, комических ситуаций и «соколокэзбэщной» поэтики делают пьесу несомненным бестселлером, то есть перед нами новый тип коммерческой драматургии.

Любопытно подумать и о том, что вот, если бы сюжет оставить как есть, а матюки убрать — как бы тогда пьеса смотрелась? И еще: все-таки, когда к месту люди ругаются, то это одно, а когда все время — то надоедает. Что же касается «правды жизни», то она далеко не всегда имеет отношение к истине искусства.

Анатолий ГУНИЦКИЙ